

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ



Анна Данилова

Гример

Дарья Донцова

Подарок для бабушки

Анна и Сергей Литвиновы

Чужая тайна фаворита

Татьяна Полякова

И жили они долго и счастливо

Алла Полянская

Смерть как улика

Галина Романова

Кошка на окошке

Анна Князева

Миф о женской дружбе

Наталья Александрова

Не плачь, Маруся





ВЕСЕННИЙ ДЕТЕКТИВ



МОСКВА
2019



УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В38

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Весенний детектив : [сборник рассказов] / Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Полякова и др. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.— (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-100157-5

Весенним днем так приятно ощутить первое дыхание теплого ветерка! И пусть до настоящего тепла еще далеко, мы уже чувствуем весеннее настроение и вовсю готовимся к одному из самых приятных праздников в календаре — женскому дню 8 Марта! Самое время позаботиться о подарках для самых любимых женщин! Издательство «Эксмо» предлагает сборник «Весенний детектив», куда вошли рассказы признанных мастеров остросюжетной интриги. Ведь книга — по-прежнему лучший подарок!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100157-5

• СОДЕРЖАНИЕ •

Анна Данилова

ГРИМЕР

7

Дарья Донцова

ПОДАРОК ДЛЯ БАБУШКИ

41

Анна и Сергей Литвиновы

ТАЙНА ФАВОРИТА

68

Татьяна Полякова

И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО...

136

Алла Полянская

СМЕРТЬ КАК УЛИКА

172

Галина Романова

КОШКА НА ОКОШКЕ

211

Анна Князева

МИФ О ЖЕНСКОЙ ДРУЖБЕ

236

Наталья Александрова

НЕ ПЛАЧЬ, МАРУСЯ!

265

АННА ДАНИЛОВА

• ГРИМЕР •

1



Маша Астрова трижды выходила на поклон. И каждый раз ее сердце стучало вовсе не потому, что зрители выражали ей свою любовь. Бросая взгляды в переполненный зал провинциального театра, в котором она служила, Маша не видела ничего, кроме цветной ряби, какого-то пестрого волнующегося и шумного моря внизу, за оркестровой ямой, и ей хотелось плакать.

Она все делала как во сне: принимала охапки цветов, выслушивала комплименты тех поклонников, которым удалось проникнуть за кулисы, бежала в гримерку, чтобы поскорее снять с себя все эти тяжелые юбки, тесный парик, смыть с лица густой слой грима, переодеться и поскорее вон из театра.

Такое с ней происходило впервые. Прежде все это доставляло ей только радость, она бывала счастлива, находясь на сцене и вообще в стенах театра. Сейчас же, быть может именно в этот вечер, она впервые поняла, что все-таки не театр ее единственная любовь.

Еще вчера она прогуливалась по ночным, благоухающим распустившейся сиренью улицам города, вдыхая ее аромат и наслаждаясь жизнью, в обнимку с мужчиной.

Еще вчера она дышала влажным весенним воздухом, врывающимся в окно машины, увозящей ее на самую окраину города, туда, где она планировала быть самой счастливой из женщин. Еще вчера прохладный воздух из сада заполнял спальню, где было очень тихо, не считая стонов.

Словно вчера была весна, успевшая нашептать ей слова любви, а сегодня наступило мертвое межсезонье, черная дыра кошмара, разорвавшая весеннюю ткань мая. Ей позвонили и сказали, что с Германом беда, что за ним приехала полицейская машина...

— Кто вы? Что вы такое говорите?

— Меня зовут Ирина, я соседка Германа. Ваш телефон я увидела записанный на театральной программке, вы же Мария Астрова, его невеста? Знаете что, вы лучше поезжайте сразу в Ленинскую прокуратуру, фамилия следователя Сазыкин, он вам сам все и расскажет. От себя же могу сказать только одно: я не верю, что это сделал Герман.

И гудки.

Маша сразу после репетиции помчалась в Ленинский район, таксист привез ее в прокуратуру, где она нашла следователя Вадима Сергеевича Сазыкина. Молодой парень с хмурым лицом и сигаретой в зубах.

— Проходите.

— Что случилось с Германом Петровым, из Поливановки? Мне соседка позвонила, сказала, что с ним беда. Меня зовут Мария Астрова, я его... девушка.

— Вот как? Отлично. А случилось с ним... Он домработницу свою убил, Татьяну Васильевну Курочкину. Она же была и его соседкой.

— Что? Да вы с ума сошли! — воскликнула Маша, вскакивая и потрясая своими маленькими кулачками. Волосы ее растрепались, лицо покраснелось.

— Мне кажется, я где-то вас видел... — не обращая внимания на ее эмоциональный всплеск, сказал Сазыкин.

— Актриса я, — шумно вздохнув, Маша вернулась на стул и принялась нервно приглаживать свои волосы. — В драмтеатре, может, видели меня.

— Астрова, говорите? Ну, точно! И что же это вы, госпожа Астрова, пришли защищать убийцу?

— Герман — он замечательный! Я люблю его, мы собирались пожениться! Танечка... Вернее, Татьяна Васильевна была ему как родная! Она работала у него много лет, помогала по хозяйству, готовила... Как он мог ее убить? Зачем?

— Был звонок, звонила женщина и сказала, что в мастерской Германа Петрова, что живет в Поливановке, в диване лежит тело убитой им женщины, его домработницы.

— Бред... Этого не может быть! И кто звонил?

— Госпожа актриса, вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов?

— Да его же подставили!

— Разберемся...

Он не выглядел человеком, которому доставляет удовольствие мучить других людей. Видно было только, что он устал. Еще чувствовалось, что он разбирается в людях куда лучше, чем Маша. Сколько раз в этом кабинете звучали слова: «он не виноват!» Или «она не виновата!». Однако люди совершают преступления, и их близкие, друзья до последнего не верят в вероятность этого.

Но только не Герман...

— Скажите, что мне делать? Я могу с ним встретиться и поговорить?

— Нет, это исключено. Единственное, что вы можете сделать, это нанять адвоката.

— Скажите, вы же видели его... Вы же должны разбираться в людях... Зачем Герману убивать Танечку? Да еще к тому же прятать ее в диван?! Вы же даже не знаете, что это за диван!!! Авторская работа, чудесный диван с резной спинкой и шелковой обивкой! Да, там есть

отделение для постели, но если бы вы знали Германа, то поняли бы, что даже в самом своем кошмарном сне он, во-первых, не стал бы никого убивать и уж тем более прятать труп в диван, над которым он работает уже больше полугода!!!

Она вышла от следователя в полубессознательном состоянии. Весь ее мир разрушился сегодня утром. Майское солнце скрылось за тучами, за окнами прокуратуры наводил уныние своими блеклыми красками серый и какой-то мертвый город.

Маша позвонила Галине, администратору театра, которая знала все и всех в городе.

— Галя, мне срочно нужен адвокат. Самый лучший.

— Самая лучшая — это Лиза Травина, она защищала Гарика, помнишь, на него хотели повесить убийство дяди?

— Да... Припоминаю что-то такое...

— Но она — очень дорогой адвокат.

— Если Гера мне позволит, я продам тот комод, который он хотел оставить для меня, для нашей спальни... Он стоит полмиллиона!

— Что, уже есть покупатель?

— Есть. Один чиновник, он еще в прошлом году приехал, просил Геру продать этот комод... Но он сделал его как бы для себя, вернее для меня... Значит, говоришь, Лиза Травина. У тебя есть ее телефон?

— Я тебе перезвоню, когда найду. А что случилось-то?

— Галя, я тебе потом расскажу, хорошо?

2

— Можно?

10 В дверях адвокатской конторы «Травина & Кифер» появилась стройная девушка в черном английском костюме и черных туфельках на шпильках. Каштановые

волосы ее были уложены высоко, открывая чистый гладкий лоб. Огромные черные испуганные глаза с воспаленными от слез розовыми веками. Лиза сразу узнала ее. Мария Астрова, молодая и очень талантливая актриса драмтеатра.

— Ведь вы играли Машу в спектакле «Враги: история любви»? — Лиза, подойдя к ней танцующей походкой, легонько ткнула посетительницу указательным пальцем в плечо.

— Да... — пробормотала та растерянно, продолжая стоять на пороге.

— И Екатерину в «Грозе»?

— Да, все правильно... Это я. Мне нужна Лиза Травина, вернее, — она достала визитку, — Елизавета Сергеевна Травина.

— Это я. Проходите, пожалуйста. Извините, что так странно вас встретила. Просто у меня сегодня какое-то приподнятое настроение, не знаю с чего...

Лиза была в цветастом шелковом платье, на груди был приколот букетик живых ландышей, и видно было, что она явно не расположена к работе. Словно зашла на минутку в контору, не собираясь здесь задерживаться.

— Просто весна, — вздохнула, горько улыбнувшись, Маша. — У меня вчера тоже такое же настроение было, а сегодня все разрушилось. И вокруг — темнота...

Сказала она и разрыдалась.

Лиза усадила ее в кресло, принесла воды.

— Что вы хотите? Чтобы весна к вам вернулась?

— Да... — зубы Маши стучали о стекло бокала. — Очень хочу. Хочу, чтобы исчезла вся эта чернота... Он же ни в чем не виноват!

— Рассказывайте!

Маша начала рассказывать, но после первого предложения запнулась.

— А ведь я вообще ничего не знаю!

- Кто ведет дело?
- Сазыкин.
- А, понятно. Это Вадик. Я сейчас.

Лиза вышла из приемной на крыльцо, набрала номер Вадима Сазыкина. Переговорив с ним, она вернулась к Маше.

— Значит, так. В полицию действительно позвонила какая-то женщина, у нее был пьяный голос, и она сказала, что в диване вашего Германа лежит труп его домработницы. Полиция выехала на место. Герман был дома, он спокойно работал себе в своей мастерской, а буквально в двух метрах от него, в диване, внутри, был обнаружен труп пятидесятилетней женщины, его домработницы и соседки Татьяны Васильевны Курочкиной. Вадик видел вашего Германа, сказал, что тот действительно как-то не похож на убийцу, что он тоже выглядел удивленным, вернее потрясенным... Сказал, что видел Татьяну Васильевну последний раз после обеда, когда та кипятила молоко, которое у нее, кстати говоря, убежало... Но не думаю, что за это можно убивать!

— А как ее убили? Что, застрелили прямо? — спросила Маша.

— Нет, налицо все признаки отравления. Следователь ждет результаты вскрытия. Но эксперт сказал, что, скорее всего, это цианид.

Труп в диване — это одна улика. Пузырек с остатками яда в мусорном контейнере позади дома — это тоже возможная улика, если на нем окажутся отпечатки пальцев Германа.

— Да у него в мастерской этих пузырьков — миллион! Он же краснодеревщик, у него и лаки, и какие-то смеси, растворители, я не знаю... В любой такой пузырек могли плеснуть яду, и он взял бы, думая, что это какой-нибудь лак или краска... Вот вам и отпечатки пальцев! Пока он работал в мастерской, может, включил какой-нибудь ста-

нок, было шумно... А убийца в это время пришел к нему домой, Танечка могла ему сама дверь открыть...

— Давайте рассуждать логически. Если бы посетитель пришел к Танечке, как вы ее называете, это понятно. Она, предположим, предложила ему выпить чаю, и он подлил яд в чай. И это бы означало, что она была знакома с этим человеком. Но если посетитель пришел к Герману, то Танечка могла бы предложить ему чаю или кофе только в том случае, если хозяина не было дома.

— Пожалуйста, найдите убийцу Танечки... Деньги у меня будут завтра, я договорилась, у меня покупают комод...

— Какой еще комод?

— Красного дерева. Но это неважно. Вы скажите мне, пожалуйста, сколько стоят ваши услуги...

— Этим мы займемся завтра. А сейчас предлагаю поехать к вашему Герману и поговорить с ним. Думаю, я сумею это уладить.

— У меня спектакль... Я не могу подвести всю труппу и зрителей... — заныла Маша. — И к Герману хочется. Что мне делать?

— Пойдемте, я подвезу вас в театр, а потом поеду навестить Германа. Что-то мне не нравится эта история... Думаю, что его кто-то захотел крепко подставить. Все, работаем!

3

— Герман Петров?

Герман увидел входящую в комнату молодую женщину в цветастом открытом платье. Светлые волосы, розовые губы, веселые глаза. Кто-то явно радовался наступившему теплу, весне, теплому ветру, солнцу, цветам, кто-то считал вправе наслаждаться жизнью, самыми простыми вещами и явлениями. Но только не Герман.

— Да, это я, — он недоумевал. Что может здесь делать эта очаровательная и какая-то несерьезная женщина. — А вы, извините... Я что-то не припомню.

Он сначала подумал, что это кто-то из его заказчиков пришел посодействовать, помочь, попытаться выволить из следственного изолятора. Его заказчики были людьми небедными, некоторые из них занимали высокие посты. Слухи же распространяются быстро...

Женщина села напротив него и улыбнулась.

— Давайте знакомиться, я — ваш адвокат, Елизавета Сергеевна Травина. Меня наняла ваша подруга — Мария Астрова.

— Вот как?

— Герман, у меня очень мало времени, а вопросов — тьма! Итак. Расскажите мне, пожалуйста, все, что произошло с вами вчера. И остановитесь на ваших отношениях с вашей домработницей Татьяной Васильевной Курочкиной.

— Я был дома, работал. Танечка прибиралась, потом кипятила молоко, и оно у нее убежало. Я в мастерской, которая в шаге от дома, окна кухни распахнуты, тепло же, вот и услышал запах горелого молока. Потом мне надо было уйти, буквально до магазина, купить растворитель. Вообще-то у меня была целая бутылка, но она куда-то исчезла... А без него — как? Руки надо оттирать... Я вышел из мастерской. Открыл ворота и поехал в магазин. Вернулся, зашел на кухню, выпил чаю и пошел в мастерскую. Работал еще какое-то время, после чего услышал шум машины, в мастерскую ворвались полицейские, скрутили меня, чуть мне руки не сломали... Подвели к дивану, к моему дивану, который я сделал! Открыли его, а там — мамадарагая!!! — Танечка лежит... Не дышит. Не понимаю, кому я так насолил в жизни, чтобы меня так подставлять! Жил себе тихо-мирно, у меня девушка есть... Конечно, она намного младше меня, но у нас все серьезно... Я собирался жениться на ней!

— Может, это сделал кто-то из ее воздыхателей?

— Не знаю. А как Танечку жалко! Такая безобидная женщина! Добрая, чуткая! Да она мне как родная была! Мы с ней почти пятнадцать лет вместе!

— Скажите, Герман, вот что необычного, из ряда вон произошло с вами в последнее время? Может, звонил кто или приходил? Угрожал? Навещал вас или Танечку? Может, в вашем присутствии кто-то звонил вашей Маше, и вы по ее ответам могли бы предположить, что ей звонил мужчина?

— Знаете, каждый мой день очень похож на другой, но я говорю это не в плане жалобы, а наоборот, каждый мой день был спокойным и счастливым, и я хотел бы, чтобы и дальше все так же продолжалось... У меня было все: любимое занятие, которое приносило мне, кстати говоря, хороший доход. Дом, прекрасный дом, доставшийся мне от родителей и отремонтированный мною, мой дом, понимаете? И, самое главное, меня полюбила девушка, которая как бы не из моего мира, актриса, чудесная, талантливая... Я старше ее, я вообще столяр, плотник, делаю мебель...

— Не прибедняйтесь. Я наводила о вас справки. Вы мастер, у вас золотые руки. Вы художник, а не столяр или плотник. Но я поняла вашу мысль.

— Наше чувство взаимно, понимаете? И что я теперь ей скажу? Не представляю, как это вообще могло случиться со мной? За что? Почему? Маша теперь там с ума сходит, а у нее пять спектаклей, и везде — главная роль!

— Герман, думайте, думайте! Вспоминайте!

— Ничего необычного не случилось.

— Хорошо. Вот вам моя визитка. Я поговорю с начальником следственного изолятора. Если что вспомните, он даст вам возможность позвонить. И не раскисайте! Можете написать письмо Маше, я позабочусь о том, чтобы его ей передали. Все-таки она актриса, ей нельзя волноваться, она должна верить в вас и в положительный исход дела.